

ВЛАДИМИР МАКАНИН

ЛАЗ

Часть сборника: Антиутопия (сборник)

Владимир Маканин

Лаз

«ЭКСМО»

1991

Маканин В. С.

Лаз / В. С. Маканин — «Эксмо», 1991

«Нерешительная кошка у дверей. То есть она у самых дверей. Ни туда, ни сюда. И, конечно, мешает ему прикрыть дверь. «Ну?.. В дом? Или на улицу?» – торопит ее Ключарев интонацией голоса, после чего захлопывает дверь квартиры и быстро спускается вниз. Обогнав кошку (она мягко прыгает по ступенькам лестницы), Ключарев выходит на улицу...»

© Маканин В. С., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Маканин

Лаз

Повесть

1

НЕРЕШИТЕЛЬНАЯ КОШКА У ДВЕРЕЙ. То есть она у самых дверей. Ни туда, ни сюда. И, конечно, мешает ему прикрыть дверь. «Ну?... В дом? Или на улицу?» – торопит ее Ключарев интонацией голоса, после чего захлопывает дверь квартиры и быстро спускается вниз. Обогнав кошку (она мягко прыгает по ступенькам лестницы), Ключарев выходит на улицу.

Он думает вдруг о смерти своего приятеля Павлова – как умер? Каковы подробности?... Он ничего не знает. В толпе, в давке движения погибло две сотни народу, если считать только на проспекте. Толпа не считает. (Но ведь Павлов там не был.)

О том, что улица пуста и что многие жители прячутся в квартирах за плотно зашторенными окнами, Ключарев старается не думать. Конечно, без людей диковато. Но нет людей – нет и опасности. На улице тепло. Вечереет. Но еще не ночь. Ощущение уличного тепла таково, что вот-вот раздастся свист и хлынут толпой некие люди, а с ними, как знать, убийства, грабежи, погромы слабых – ощущение тяготит, и как тут не пасть духом. А в то же время на улице пусто. Тихо. Это и есть жизнь... – так колеблются его тонкие, пугливые мысли интеллигента, сам же Ключарев шагает.

Если посмотреть сейчас сверху – опустевший город, ни людей, ни движущихся машин (есть отдельные мертво стоящие машины на обочинах, они еще более подчеркивают общую статичность). Пустые тротуары. По глянцевой улице движется один-единственный человек, он в свитере, в шапочке с помпоном, помпон чуть припрыгивает во время его хода. Этот человек – Ключарев, наш старый знакомец. (Он несколько постарел; потускнел; виски поседели уже сильно, проседе в волосах. Но еще крепок. Мужчина.)

Во время движения он иногда как-то странно на ходу подергивает телом, словно у него на боку под свитером и под рубашкой не вполне зажившая ссадина (так оно и есть, притом несколько ссадин). Вязаная легкая шапочка с помпоном (похоже, что лыжная) натянута на голову. Завершая свитерно-брючную обыденность, лыжная шапочка делает его чудаковатым. (Ключарев с этим не согласен. Он видит в шапочке проделавшую долгий путь логику его интеллигентности, которая нашла скромный вызов и одновременно защитную форму. Но не мимикрия.)

Свист и впрямь раздается, когда Ключарев проходит мимо третьей по счету пятиэтажки. Ключарев приостановился. Оглядывается. Нет. Нигде ни души. (Что ж, кто-то мог свистнуть и просто так.)

Продолжая путь вдоль ровно стоящих пятиэтажек, он выходит знакомой асфальтовой тропой к пустырю – пустырь переходит в разнотравье, а тропа из асфальтовой становится обычной тропой, узкой, петляющей в траве. Тропа еще хорошо различима. Вот и приметные два куста конского щавеля, высоко выбросившего свои метелки. Ключарев подходит к узкому лазу в земле, или к дыре, как он этот лаз окрестил; он привычно постукивает ногами, чтобы не тащить с собой в дыру лишнюю грязь. (Когда дождь, он счищает налипшую грязь о жесткую траву. Но дождя нет. Слава богу.)

Свесив в дыру ноги, Ключарев сидит и некоторое время решается на спуск. Затем спускается, правильное сказать, протискивается. Тело его трется о края дыры, окорябываясь о

неровности, но не обдираясь. (Иногда в дыру спускаешься довольно легко.) И тут же, подумавший о легкости спуска и забывший об осторожности, Ключарев об острый торчащий кремьень вспарывает на боку старую, уже было запекшуюся ссадину. Ч-черт! Рубашка сразу намокла, разумеется, кровь. А оборвавшиеся пуговицы рубашки полетели вниз. Ключарев еще только спустился до горловины (до середины), а пуговицы уже летят вниз много прежде его, и даже слышно, как они там внизу звенькают. Горловина узка. Тело Ключарева делает умелое вращательное движение, вкручивается, на миг ему перехватывает от стиснутости дыхание, но только на миг – он уже пролез, тело его висит теперь над пещерным пространством, но только не над темным, а над освещенным пространством довольно большого зала, где стоят столики и за столиками сидят и беседуют, пьют вино люди.

По лестнице-трапу (что-то вроде высокой стремянки), ступая ногами на металлические прутья, Ключарев спускается – и попадает уже внутрь этого красивого помещения с ярким полом в крупную шахматную клетку. Темные и белые большие квадраты разбросаны по всему полу. Спустившись, Ключарев ступает на один из них, тут же находя и две свои пуговицы.

Погребок шумит: люди пьют, разговаривают. (В сущности, Ключареву нужна была лопата, хорошая обычная лопата с гладким черенком, но, конечно, он не может сразу же и спешно пойти ее покупать.) Он видит Андрея Башкина, Северьяныча и Таню Еремееву, они машут ему рукой. В них уже не только сходство, уже сродство. Ключареву все равно проходить мимо них. Вероятнее всего, они искренно машут ему, зовут подойти, побыть с ними (оттенки! – тут ведь никогда до конца не знаешь), и Ключарев подходит, он тоже рад их видеть. Наливают в стакан вина, приветствуют радостно и шумно: подвигают блюдце с орешками – ну как? как ты там живешь?.. небось хочешь пообщаться, поговорить? – спрашивают чуть не хором, зная его тягу.

– Хочу. Очень! – отвечает он очевидностью на очевидный вопрос, так что они, угадавшие, дружно смеются.

– Ну, молодец! Молодец!.. Радые тебя видеть! Садись!.. Что пить будешь?

Тут же находят ему стул (слегка побранившись с кем-то и пошучивая, оттаскивают для него стул от соседнего столика) – Ключарев не собирается с ними засиживаться, но, конечно, сидит, с удовольствием сидит, держа в руках стакан и отхлебывая глотками темное вино (вино холодновато: он греет его руками). Он слушает продолжающийся их разговор о том, что есть по сути своей современное общество: община? или артель?.. Если община уходит корнями вглубь, то артель – это уже организация. Ключарев только-только вслушивается, он получает удовольствие, он тоскует по разговору, когда к столику подходит Никодимов, как всегда деловой. Он дружески кладет Ключареву руку на плечо и наклоняется к нему (чтоб говорить негромко):

– Виктор, пойдем. Обещаю тебе – там ровно на одну минуту.

Ключарев наспех бросает в рот два орешка. Они солоноваты, хорошо очищены. Ключарев хотел бы еще посидеть, но Никодимов просит:

– Витя, я уже пообещал, что – как только ты появишься – приведу. Ну, выручи меня. Не подводи.

Ключарев кивает всей компании, умной и приятной ему, – мол, вернусь. Вдвоем Ключарев и Никодимов идут меж столиков через весь этот погребок-ресторан и выходят, сворачивая в длинный подземный коридор с великолепным мягким освещением. Здесь, как на улице в яркий день, всегда светло. Со вкусом и талантом так сделано, что и не угадать, где источники света. Никодимов идет чуть впереди. Ага. Вот и офис. Ключарев чувствует, что идет он туда, в редакцию, за Никодимовым безо всякого желания; и ведь будет там без желания что-то говорить. Ему это не нужно. В сущности, ему нужна лопата. Обычная лопата. Ну не смешно ли?

Они входят через вертящуюся дверь. «Со мной он», – просто сообщает Никодимов вахтеру, ведя Ключарева вперед.

МЫ БУДЕМ РАДЫ ЛЮБОЙ ИНФОРМАЦИИ. Так они сказали. Кругом стеллажи книг. Девица за пишущей машинкой. В углу постукивающий телекс, автоматически принимающий сообщения извне. И два человека за письменным столом. Оба – сидящие мужчины. Когда Никодимов и Ключарев входят, оба журналиста встают с вертящихся кресел. Представляются.

А Никодимов называет, кого он привел (пригласил):

– Ключарев.

– Да, да. – Оба благосклонно кивают. Заинтересованы.

Говорят – рады, мы вам очень рады, и помните, пожалуйста, помните: любая информация нам интересна. Мы ведь в одной стране, но, спеленатые жизнью, мы от той половины оторваны. Так получилось. Мы ведь страдаем. Та жизнь – это тоже наша жизнь, поймите нас правильно... Ключарев понимает. (Он кивает в знак честного согласия и понимания их.)

Он понимает. (И немного досадует: вдруг они предложат деньги. Но им хватает такта. Они же знают, что там, на темнеющих улицах города, деньги мало что значат.) Когда Ключарев только вошел, он был для них, несомненно, лишь деловым моментом – делом. Но вот теперь их лица не могут скрыть растерянности. Они не знают, о чем спросить. Они вдруг (в голосе боль) спрашивают, нет ли на улицах, не валяются ли убитые, не видел ли Ключарев.

– Не видел, – отвечает он.

Разговор иссяк. Ключарев, кивнув им, уходит. Один из них идет за Ключаревым вслед, вдруг торопится и говорит на прощанье, что сам он жил в Мневниках, а первые годы почти в центре, на Таганке, – обе родные улицы и посейчас стоят перед глазами.

Когда Ключарев и довольный визитом Никодимов выходят, сознание Ключарева (до этой минуты совершенно ясное) начинает путаться. Глаза его не умеют найти опору. Вертящаяся на выходе дверь, которую они миновали, все еще вертится и вертится, – дверь становится огромной и теперь вертится медленно, плавно. «Виктор!..» – слышит он вскрик Никодимова, но какой-то далекий вскрик. Он едва не падает. Ухватившийся за косяк дома, он стоит и прощается с Никодимовым. «До свидания, Виктор». – «Будь здоров».

Но едва Ключарев сворачивает за угол, как ему снова плохо, и только тут он осознает, что головокружение и что так остро болит рана в боку. «Надо бы в медпункт», – говорит он самому себе. Аптеки здесь на каждом углу. Где-то близко должен быть пункт первой помощи.

Фонари освещения сделаны под старину – и вовсе не гнутые столбы с головой кобры. Фонарики пригнаны, словно бы прилеплены к стене, провисая старомодными коробочками прекрасных пушкинских времен. Из них льется не давящий на глаз, но достаточно яркий свет (так что лица яркие, надписи яркие, можно читать!). Приятно идти. Коридоры, сверкая, раздвигаются вширь – уже улица. Стены домов вдоль улицы всюду с легким рисунком, этакая непрерывающаяся фреска, прыгающая со стены на стену. Конечно, есть иногда мальчишечьи надписи. Подростки всюду одинаковы и с удовольствием пробуют себя на границе мата и речи. Творчество их аккуратно стирается, но зарисовывается вновь: борьба за пространство... На этом рассуждении Ключарева (отчасти бредовом, но опирающемся на виденную реальность) медицинская сестра делает ему укол.

Врач и сестра занимаются Ключаревым, он лежит, и в глазах его мягкое освещение потолка. Да, освещение здесь – чудо. Радостное (другого слова и не подберешь) отсвечивание стен, красивые светлые календари, и даже их белые медицинские халаты собирают в себя (помимо обязательной чистоты) частицы этого рассеянного теплого света. Ключарев знает, что он в маленьком пункте, где первая помощь. Однако и здесь нет пугающей стерильности. И топчан как тахта: лежи себе. И, когда Ключарев выйдет, ну через полчаса или сколько там займет времени, свет не переменится – свет словно пройдет с Ключаревым вместе, превращаясь в мягкую подсветку коридоров, в неущербные фонари улицы, а в том погребке-ресторане,

где остались Северьяныч и Таня Еремеева, освещение сомкнется над столиками в желтоватый, добрый свет уюта, который будет вполне гармонировать с теплыми кремовыми скатертями...

Тем временем врач говорит:

– Рана запеклась. Но, разумеется, потом открылась. И был шок от боли. Однако крови вы потеряли немного, так что госпитализация ненадолго...

Они осматривают его уважительно, как осматривают, скажем, известного спортсмена. Вероятно, таков стиль. И конечно, преувеличивают. Но Ключарев уже почувствовал некоторую искусственность их заботы. Говорит спокойно, но им понятно – что вы, доктор, какая госпитализация. Мне надо идти.

Сестра закончила обламывать очередные ампулы.

Врач в завершение постукивает пальцем еще по одной, по красненькой ампуле. Называет препарат и назначает:

– Три укола в область плеча. Там связка неладна. Застарелое что-то. (Что-то нес тяжелое?..)

Ключарев вспоминает о не сделанных еще своих покупках и – в связи с этим – вновь думает об умелом здесь освещении: удивительны их светильники возле магазинов, яркие, но не настолько, чтобы притушить прыгающую неоновую надпись. Кроме того, светильники прожекторного типа направлены откуда-то извне, как удар шпаги, на тот или иной товар, так что товары ты отлично видишь, но опять же товар не отсвечивает, а поглощает свет. (За счет поглощения становится емче, выпуклее.)

Вероятно, после шока это как бред, навязчивая мысль о светильниках. (Первое, что Ключарев увидел, когда открыл глаза, это медсестра и в ее руках ампулы – ампулы отбрасывали свет светильников и горели, вспыхивая, как звездочки.)

Сестра делает укол за укол, в то время как врач, сидя на стуле напротив Ключарева, рассуждает – это удача, что вы упали неподалеку. Разве вы не упали?.. А вы теряли раньше сознание? Нет?.. Значит, болевой шок. Но, в общем, чепуха. Не стану вас больше пугать... И вот тут, не меняя интонации разговора, он как бы само собой разумеющееся спрашивает – ну, как там сейчас наверху? Ключарев отвечает: «Так же, как и раньше». – «Конечно, конечно», – говорит доктор. (Принимать насилие за испытание.) И говорит Ключареву – ну-ка встаньте. Ключарев встает. Ключарев видит себя в отсвете стеклянного шкафа, где лежат их стерильные салфетки и бинты. Видит себя сбоку: обработанная рана, как всегда, кажется страшнее, чем на самом деле. Ну и вид. Но чувствует он себя хорошо. Топают показательно ногами. Машет руками. Плечо чуть побаливает. «Нет, нет... Это у вас что-то со связкой. Старое ваше», – говорит доктор.

Ключарев одевается. Благодарит. Забирает свою рубашку, свою лыжную шапочку с помпоном (знак интеллигента), а также свитер со спинки стула. Бинт на груди сидит плотно, ничуть не мешает. Доктор рассказывает, как важна повязка и как умело сестра Таня обрабатывает раны, она еще до прихода врача сделала все существенное, такая умненькая. Уходя, скажите и ей доброе слово.

Ключарев выходит из медпункта, ощущая на теле все четыре наклейки, где йодистый пластырь, но к ним, говорят, скоро привыкаешь. Зато сам бинт при движении не чувствуется.

Теперь бы стопку водки.

СТОПКА ВОДКИ. Он вошел туда, где люди выпивали стоя; если люди стоят – значит, будет быстро. Он замечает автомат, ага, полтинник!.. Стаканчик уже вставлен. Ждет. И даже в маленьком этом питейном помещении светильники мягки и замечательно запрятаны. Свет и свет, а откуда – неясно. Ключарев бросает полтинник в щель автомата, сосредоточивая взгляд на своей монете, чтобы не промахнуться, и... только теперь замечает светильник! На серебряной грани полтинника отраженно мелькнула лампа – вот она где! С улыбкой угадавшего Ключарев

чарев чуть перегибается через разменный прилавок, заглядывает – да, вот и лампа. Так хорошо они ее разместили. Так хитро. Лишь полтинник, как его третий глаз, приметил лампу – все правильно, глаз не любит, чтобы свет давил на сетчатку. Возможно, и свет не любит давить на глаза. Взаимность. Ключарев в два глотка выпивает водку и выходит, уже слыша живительную влагу и быстрое пробуждение тела.

ЛОПАТА. Оторванные пуговицы на рубашке не смущают Ключарева, сверху свитер. И вообще, он идет в хорошем настроении. Если о внешности, он больше боится за брючный ремень, от спусков через узкий лаз и от протискиваний по лазу вверх ремень постоянно перетирался. Ключарев попросту боится, что брюки однажды упадут, – может, ему и ремень купить, пока он тут? На углу Ключарев видит добротный ресторан, люди там едят и пьют неспешно. Чинно сидят. Умеют. Ага, за рестораном пошли наконец мелкие магазинчики и киоски – то, что ему нужно. Газетный открыт. С конфетами и напитками – тоже. Магазинчиков полно, и все они открыты, но Ключарев тут покупать не спешит; ремень его пока держится, так что Ключарев сворачивает еще раз налево и выходит к складским помещениям. Склады – в то же время и магазины, правда, покупателей здесь почти нет, люди идут мимо. И то сказать, зачем им так вдруг инструменты?

А инструменты здесь можно приобрести (или просто взять на время за малую мзду) самые разные, любые. Можно даже маленький тракторишко вывести своим ходом – но куда Ключарев с ним денется? (Нет уж, нужна лопата.) Склад одноэтажен, вытянут, пять складских дверей; возле первой двери Ключарев замечает женщину со связкой ключей – хозяйка. Стиль всех складов в мире одинаков: хочу – выдам, хочу – не выдам. Апостол Петр у врат рая. (Дамочка в годах.) Конечно, она даст Ключареву лопату, если хорошо просить, но, конечно, ей лень.

Подняв связку на уровень глаз, она бренчит ключами.

– Нет, мой дружок. Уже вечер...

– Но какой замечательный вечер, Ляля! – атакует Ключарев, вспомнив ее имя.

Но, оказывается, вспомнил он плохо и она не Ляля. Нет уж, только атака, и Ключарев, спешно возликовав, объясняет ей, что все-таки она Ляля и что нет никакой тут ошибки, ибо Ляля – имя всякой ласковой женщины, всякой доброй женщины, которая способна быть ласковой и способна понять человека (и выдать ему лопату, не беря за это большой платы).

– Вот как?.. Неужели? – Она кокетничает. Облизывает губы, охорашиваясь, и поправляет свой фиолетовый форменный халатик. (Его длиннословие значит мало, но зато много значит ее внутреннее состояние.) Так и есть. Вот она уже говорит, глядя Ключареву прямо в глаза: – А я сегодня выпила как следует. Коньяк. Потом вино...

И смотрит; ля-ля-ля-ля – напевает голосом слабенько, но не фальшиво.

– Лопата нужна.

– Дам, дам тебе лопату. Ля-ля-ля...

Надо бы поладить и ублажить. Несколько смутившийся Ключарев краем глаза прикидывает возможности – стара, но там и тут жирок. Еще женственна. Пожалуй, он справится. И, уже решившись, он смело подмигивает – ух ты какая!

Она как раз выносит лопату. И ломик. К тому ж она, кажется, хочет, чтобы Ключарев добивался ее расположения. (Иначе ей сахар несладок.)

– И кирку, – просит он.

Щуря глаза и через каждую минуту хмыкая: «Ишь ты!.. Неужели и кирки нет, и как вы, нищие, там живете?» – она выносит и кирку. Запирает дверь. И только мелькнул, оставаясь в глазах Ключарева, такой красивый и такой строгий изнутри склад. Завернутые в пластик ряды инструментов. Чистота. Ряды и пирамиды. Тысячи банок краски. Но она уже запирает свою

дверь, дорожит местом работы. Обнимая, Ключарев ведет ее вдоль других дверей и поглядывает – ну, где тут у тебя тихая комнатка и какие-нибудь мешки? но только не с углем, а?.. – именно такой разговор ей нравится, он угадал, и в ответ она с удовольствием смеется: ишь, наглый. И вдруг делает попытку освободиться: крепко ли ее держат? Рванувшаяся на миг и сразу обмякшая, далее она уже ступает с ним шаг в шаг, и тело слышит тело. Они заходят в самом конце складского помещения в последнюю дверь. И точно – мешки. Ключарев быстро и довольно грубо сделал свое дело, разрядка; но она и тем оказывается очень довольна. «Жаль, ты спешишь...» – немного сетует. И после паузы вновь: «Ты меня так и не узнал», – мол, как женщина она могла бы проявиться побольше, раскрыть себя в любви, не с первого же раза. Сказала, что любит пообщаться с мужчинами и любит играть в карты, в последнее время в покер. Да, научилась. Их всех на складе научил один уса́тый толстяк. «Ты меня так и не узнал», – повторяет она. Она хозяйка, и Ключарев не спорит. «Дело, Ляля, поправимое, жизнь еще долгая», – заверяет ее Ключарев, торопиться, мол, нам незачем. Но тут же, вопреки своим словам, встает и самыми энергичными движениями приводит себя и свой внешний вид в порядок.

– Я полежу, – говорит она. Или это он, Ключарев, тихо спрашивает: ты полежишь? – и она в ответ лишь томно ему кивает.

В своем чистом фиолетовом халате она продолжает лежать на мешках, мешки упруги; апостольская лень. Лежит и слушает в тишине себя, свое расслабившееся холеное тело. Она уже и не смотрит на Ключарева. Не нужен. Глаза в потолок. (В то время как Ключарев стоит в дверях, озабоченный тем, как унести все, сгруппировав вместе лопату, ломик, кирку.) Ее жирок приятно ощутим под рукой и отнюдь не растрясен, и если в те минуты она вскрикивала, то не от страсти, а лишь когда Ключарев нечаянно делал ее мякоти больно, проминая своими руками до косточек, – но-но, не делай так больно, щади мой жирок.

Ключарев уходит – до свиданья, Ляля.

– А дверь прикрой. – Она продолжает лежать, смотреть в потолок и на старый, разползшийся гобелен, изображающий средневековую битву – мешанина рыцарских тел и коней. В минуту близости Ключарев вполоборота вдруг углядел там рыцаря, трубящего в рог, но потом потерял. Нагруженный инструментом, он бросает на ткань быстрый взгляд, опуская глаза вплоть до мешков с красивыми печатями и огромными буквами на боковинах мешков: КУЗЬМИН И ЛЮМБКЕ. NO SMOKING. КУЗЬМИН И ЛЮМБКЕ. Рыцари, монахи. Такой старый этот гобелен. Лошади скачущие. Лошади упавшие, с задранными копытами. Но трубящего в рог Ключарев не видит.

И всюду – люди, люди. Осторожно ползут по улице сверкающие машины. Навстречу Ключареву молодая пара; смеющаяся, слегка навеселе женщина и пьяненький парень, оба красивые, оба с мороженым в руках, так что Ключареву с его инструментом, который он тяжело держит (а как еще? Не через плечо же лопату с ломом?), приходится приостановиться, ибо они, улыбаясь и мало что соображая, вот так парой и движутся прямо на него. Следом надвигается некая немолодая группа встретившихся друзей: этапность жизни. Идут густо. С ними нанятое цыганское трио, скрипка, гитара и аккордеон – цыган со скрипкой выскакивает на несколько шагов вперед...

Можно бы и послушать, но Ключарев поторапливается. В погребок-ресторан он входит в боковую дверь, чтобы пройти сразу в задние комнаты. Мимо столиков Ключарев, не задерживаясь, быстро идет по черно-белому в клетку шахматному полу и уже на ходу поднимает глаза кверху – там лаз. На белом потолке видна рваная дыра, все более сужающаяся и темнеющая. (Северьяныч, Таня Еремеева и с ними присоединившийся за это время старенький Иван Николаевич сидят за своим столиком, но Ключарева не видят. Счастливые их лица. Ключарев не станет ни прощаться, ни откланиваться – нет времени. В следующий раз он посидит с ними подольше.)

Ключарев уже в самом углу. Подталкивая, он двигает приспособленную и довольно легкую лестницу, по которой он поднимается к лазу. Лестница напоминает трап самолета, так же подкатывается на колесиках, так же и крута, но только, когда поднимешься, вместо самолетного люка (из которого обычно нам машут, сняв шляпу, улетающие президенты), – вместо люка черная рваная земляная дыра.

ДЫРА СТАЛА УЖЕ. Ключарев протискивается до самой горловины, вползая и цепко держась. В узком месте он может уже расслабиться, удерживаясь за счет трения о землю. Зависнув, он подымает лопату в правой руке, то есть над головой, – движение кистью, и он выбирает лопату наружу и даже улавливает слухом, как она там упала, несильно скрежетнув. Затем он спускается вновь на самую верхнюю перекладину лестницы, берет лом, к счастью нетяжелый, и, протиснувшись до горловины и зависнув, повторяет с ломом все то же самое, но с боольшими предосторожностями (раскачав в руке, сильно выталкивает его и тут же после броска прикрывает рукой темя: при плохом броске лом мог бы убить, падая вновь вниз). Когда раскачивал лом, задевал края, и щебень, песок с шорохом сыпались на макушку. Но кирку, конечно, выбросить не удастся, будет цеплять землю. И рука устала.

Привязанная к животу кирка мешает Ключареву, но главная трудность в самой горловине: лаз сузился. Или это сказывается близость к реке, где обычное подмывание из года в год (и из века в век) крутого берега ведет к опережающему подмыв смещению грунта. Или же подземная, и соответственно земная, нестабильность вызвана тектоническими переменами?.. Переживание, не потерявшее остроту. Он, Ключарев, знает лишь то, что с землей все время (и даже каждый час) что-то происходит. Земля – дышит; нас сотрясают процессы, природы которых мы не понимаем; уже ясно, что в тишине не отсидеться, хотя, разумеется, есть научные объяснения, гипотезы, но природа остается природой – тайной. Дыра сужается, вот и все; стискивается, сползается краями – вот и вся простота земного дела. А иногда лаз становится шире. (Тоже бывает. В этом и простота.)

Придавив, кирка продолжает и дальше деформировать тело протискивающегося Ключарева; привязанная у живота, она продирается вместе с ним, остриями забойных концов скребя, чертя борозды по кремнистым округлым стенам лаза. Они приспособляются друг относительно друга – кирка и его живот, и все же Ключарева сдавливает до такой степени, что он думает об отступлении, об обратном пути (можно же вылезти, а затем вытянуть кирку на веревке – веревки, правда, нет, мелькает в сознании склад, на миг старая Ляля с ее жирком, – в конце концов он обойдется без кирки. Дыхание пресекается, Ключарев начинает хватать воздух открытым ртом, сыроватый воздух с песком). Плечи Ключарева обдираются, сужаясь и беря на себя весь перегруз дергающегося движения, которое затем переходит в движение нацеленно вползающее, – так движется червь, так движутся и люди, если они не притворяются. Больно?.. Конечно, больно. Его правая рука все время впереди, как у пловца, плывущего на боку, но левая – у живота, где Ключарев сторожащими движениями смягчает вдруг упершуюся в ребра кирку. Вот когда больно. Ключарев кривится, лицо его, глаза забиты темным песком. Левая рука ищет углы кирки, в то время как телом Ключарев делает новое усилие протискивания.

Плохо, потому что кирка отстала. Вновь левая шарит, ощупывает, пробует подтянуть кирку на уровень, – через боль, покряхтывая, Ключарев вздергивает (тянуть не получилось) кирку повыше и еще повыше и выводит ее даже с некоторым запасом выше мягкости живота; обрывок бинта, которым кирка привязывалась к поясу, давно сбился и, вероятно, смялся в комок. Сантиметр за сантиметром кирка продвигается по Ключареву, ударные острия теперь на уровне груди, на уровне его сосков, но шире. Теперь она еще больше мешает Ключареву, но теперь он не боится ее потерять. Плечи удастся свернуть для протискивания, однако острия давят, упираются в предплечья – но надо же лезть, Ключарев начинает дергаться, он едва не

рвет правое предплечье своей же киркой. Взывает к разуму: спокойнее. Ведь уже в горловине, в самой горловине, – и чем дальше, тем легче. Ключарев заставляет себя дышать ритмичнее; заодно он улавливает первые запахи свежего воздуха, воздуха уже *оттуда*. Неуправляемые судорожные дерганья наконец прекращены. Спокойнее. Теперь Ключарев выносит плечо, правильнее сказать, выпирает свое правое плечо вверх и в обвод острия кирки, делает это настолько, насколько возможно, и только тут в ход идет его левое плечо, повторяя тактику переползающих препятствие червей, которую знает в себе всякий, если опять же он не притворяется. Сколько-то пути (десять сантиметров?.. пятнадцать?) Ключарев продвигается, обдирая кожу, но зато его плечи расходятся и сходятся вновь без той острой боли, и вот таким именно образом (правое выше, левое оттянуто вниз, затем выравнивание), повторяя маневр многократно, Ключарев продвигается уже до уровня, где в лицо ему дышит черная земля: почва еще не перед глазами, но уже дышит эта темная, тонкая прослойка, которой кормится все живое. Становится свободнее.

Голова может стряхнуть с макушки песок. Еще немного. Безо всякой мысли, однако же это получается вполне осознанно, Ключарев отрывает вдруг кирку от тела и выбрасывает ее, почти выкладывая в броске ее рукой наружу, ибо край рядом. Край земли, если идти изнутри. Когда он вскидывал голову, стряхивая песок и землю с макушки, он видел светлое небо. Но это обычный обман, когда смотришь на небо из дыры. Еще одно усилие рук – и Ключарев вылезает. Вокруг тот же вечер. Смеркается.

От слабости его шатает. Он повалился на землю, на зелень травы. Рядом лопата, рядом лом и далее всего выброшенная последним усилием кирка. Он отдышится. Немного. Спазм смирения. Если смотреть вперед, ему видны их пятиэтажки еще хрущевского производства – дома в сумерках вполне различимы, – там в сумерках и его дом, чуть выдвинутый. Если же смотреть налево, свинцово светлеет река.

МЫСЛЬ, В КОТОРУЮ ОН НЕ СЛИШКОМ-ТО ВЕРИТ, – это мысль о пещере. (Которая достаточно близко от пятиэтажек, от своего дома.) Ключарев выбирает место. Отступая, он на несколько шагов спускается вниз. Овраг сходит к реке, это удобно. Овраг – это своеобразный разрез, и копать здесь легче, ибо принцип всякой пещеры прост и состоит в том, что копаешь не вглубь, а вбок. Вгонять лопату удобнее, также и отвал прост, так как земля отбрасывается или ссыпается сама собой вниз, не торчит кротовой кучей и не мозолит глаза чужому человеку. Да, немного на склоне. Но не слишком вниз. Когда ударят ручьи, чтобы не заливало.

На миг Ключарев осматривается: запоминает место. Бурьян. Две стелющиеся корявые березки, а по склону над ними довольно рослая черемуха. И для совсем цепкой памяти – крапива, уже суховатая, на выходе из оврага.

Обозначив глазом тропку, видную только ему, Ключарев приминает бурьян. Здесь. Лопата, лом пока в стороне, зато кирка сразу и хорошо идет в дело, не зря же лез с ней через всю дыру и едва не вогнал себе под ключицу, когда прижало. Копают. Мысль, в которую Ключарев не слишком-то верит, – мысль-минимум: если не удастся ни с кем объединиться, Ключарев сможет отрыть пещеру для себя и своей семьи на тот случай, когда в домах жить станет невозможно. Копают. Сбрасывает свитер, но останавливаться не хочет, дабы не прошел первый запал. Теперь (и все еще не останавливаясь) за лопату – отбитая земля теперь летит вниз комьями и россыпью, после чего Ключарев выравнивает пространство, выбитое по первому разу грубой киркой. Старательно стесывая лопатой углы, он замечает, что результат пока лишь напоминает собой нору и, пожалуй, дыру, в которую Ключарев лез и из которой только что так болезненно и трудно выбирался, – да, он невольно копирует. Что поделать, не столько интуитивное, сколько подынтуитивное, *земляное* мышление, которое вбирает чужой опыт, даже не доложив своему собственному сознанию, – вот что его ведет. Колея веков. Ползучие движения, как и ободранность (сглаженность) плеч и коленей, усвоены лишь на дальнем стыке

с опытом тысячелетий; тех тысячелетий, когда не было еще опыта чужого или опыта своего и был лишь один опыт – сиюминутный. Ключарев устал. Бинт, стягивающий грудь, и зализы пластыря вновь раздражают кожу. Когда протискивался в лаз, бинта не слышал, но после того как помахал киркой, тело изошло потом. Ладно. До пояса он уже может в свою пещеру войти. Он слышит вдруг звуки. Вот! Внизу слабо булькает ручей, значит, к реке где-то совсем близко спадает чистая водица, родившаяся здесь же, в овраге. Удобно. Не бегать к реке. (Возможно, что у самой реки будет небезопасно, как и в пятиэтажках. Как и на всяком заметном месте.)

Ключарев припрятывает инструмент в кустах. Придет попозже и покопает, еще не ночь. Надо позвонить Чурсину. (Надо пытаться.) И конечно, Оле Павловой.

Но как позвонить на вымершей улице?.. В телефонной будке трубки попросту нет, ее оторвали и выбросили. Торчит огрызок провода, более ничего. Ключарев идет дальше. Надо пытаться. В следующей вдоль по улице будке телефонная трубка также оторвана, но она хотя бы видна: трубка валяется под ногами, раздавленная несколькими ударами сапога. Не хватало только столбика пыли. Расплющенная телефонная трубка впечатляет и заставляет поработать воображение (заставляет представить себе гигантское ухо).

Ни души. Одиноким прохожим возник, но и он, увидев другого человека, шмыгает куда-то за угол дома и там ждет. (Ждет, пока Ключарев пройдет.) В окнах домов темно. В некоторых квартирах, несомненно, живут, но они там забаррикадировались, а чтобы их не выдал свет в окнах, сделали самые плотные шторы. Шторы – наши запоры. Нас нет. Нас никого нет. Нас совсем нет.

Ключарев тем же шагом проходит запертый магазин, проходит разбитую витрину. (Но успевает оглянуться: человек из-за дома выскочил.)

– Послушайте! – торопливо кричит Ключарев.

Тот быстро уходит.

– Послушайте же! Я не собираюсь вас догонять! – кричит Ключарев громче.

Голос Ключарева на пустой улице неожиданно звучен и гремит (для самого Ключарева неожиданно тоже), и человек тем более припускает бегом, сильно вжав голову в плечи, словно Ключарев собирается после окрика взять его на мушку прицела.

Спросить некого. Ключарев один посреди улицы – наконец впереди (дальнозоркость сорокасемилетнего книгодея) он высматривает телефон-автомат с трубкой, исправно висящей на своем месте; он подходит туда, он спешит!.. Но телефон, разумеется, также оказывается неисправным. В ухо сыплются непрерывные частые гудки, по этому телефону уже высказали людям все свои досады, дав вечный отбой.

Сквозь гудки Ключарев, еще не оторвав трубки от уха, умудряется услышать некий скрип: поскрипывание двери. Он оглядывается. Позади телефонной будки виден подъезд дома с распахнутой дверью до предела, и, значит, скрипит не эта зафиксированная жестко дверь, а какая-то дверь внутри. Он идет в подъезд. Так и есть. Одна из квартир на первом этаже открыта, и легкий сквозняк гоняет дверь туда-сюда. Кажется, еще не ограбили. Голос?.. Нет, это включенный телевизор. Диктор, как обычно, сообщает о фактах, которые подтверждают, что обстановка мало-помалу нормализуется.

Вещи на местах. Пустая квартира. Водяные знаки отсутствия. Ключарев ходит по комнатам, на всякий случай не включая свет. Вот и телефон.

И чудо – отменные редкие гудки. Можно звонить.

Оля Павлова заплакала и подтвердила, что Павлов умер. Умер на улице от инфаркта, подробностей пока никаких. Оля всхлипывает, давится слезами. Но может быть, случайная с кем-то стычка? драка?.. Нет. Она не знает.

– Что Чурсины?

– Ничего... – Оля Павлова говорит, что звонит Чурсиным непрерывно – гудки длинные, телефон работает, но к телефону никто не подходит.

Оля плачет. Она рассказывает, что тело Павлова не знали куда деть, так что и сегодня тело по-прежнему лежит в 3-м мединституте, и ей страшно – ей тягостно и страшно думать, что студенты станут вдруг делать на нем, мертвом, свой тренаж, опыты, как на всяком невос-
требованном покойнике. «Какой тренаж! Какие студенты!..» – кричит Ключарев, пытаясь ее успокоить. С ума сошла! Кому сейчас нужен труп?! Выражение чудовищно по отношению к мертвому Павлову, но Ключарев не успевает себя поправить. Он спешит. Он спешит рассеять ее тревогу – суть в том, что Оля Павлова беременна. На пятом или на шестом месяце. И надо сбить ее волнение хотя бы нажимом и уверенным криком.

Кричит Ключарев на нее (и для нее) – сам, однако, он не так уверен. Вечером и ночью город отключается, но ведь с утра занятия в институте, возможно, будут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.